

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821 (091)

DOI: 10.17223/19986645/69/9

В.С. Абрамова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ А.П. ЧЕХОВА В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Анализируются литературоведческие, философские и психологические труды как отечественных, так и зарубежных исследователей 1980–2000-х гг. и предлагается оригинальный взгляд на ключевые тенденции в изучении бытия и человека в произведениях А.П. Чехова. Подчеркивается интерес исследователей к экзистенциальному сознанию как стержню философских представлений писателя и обосновывается преимущество интерпретация, в основе которой – анализ внутренней формы и изучение художественной логики произведений.

Ключевые слова: А.П. Чехов, художественная философия, художественное сознание, экзистенциальность, экзистенциализм, поэтика, критика и литературоведение.

Один из первых отзывов о А.П. Чехове как экзистенциалисте принадлежит философу-экзистенциалисту Льву Шестову, автору статьи «Творчество из ничего» (1904), написанной вскоре после смерти писателя. Философу удалось подметить некоторые существенные черты творчества и мироощущения писателя, в художественной форме ставившего извечные вопросы человеческого бытия. Анализ произведений Чехова приводит Шестова к мысли, что единственный их герой – предоставленный самому себе «безнадёжный человек» [1. С. 168], а смысл заключается в том, что «никто не верит, что, изменив внешние условия, можно изменить и свою судьбу» [1. С. 598]. Более того, Шестов подчеркивает, что Чехов – это не бытописатель, не моралист и не сатирик, это человек пределов бытия, пишущий языком недосказанности и невыразимости. Спустя многие десятилетия, в течение которых творчество писателя рассматривалось прежде всего в социальном контексте, акцент исследователей переместился на анализ произведений художника не только в культурно-историческом, но и философском ключе, а предметом внимания стали особенности представления мира и человека в произведениях писателя.

Задача нашей статьи – обобщить и систематизировать опыт изучения художественной философии Чехова в гуманитарных работах как отечественных, так и зарубежных исследователей 1980–2000-х гг. с целью выявить основные тенденции в осмыслении бытия и человека в произведениях писателя и выделить проблемы интерпретации миропонимания художника.

Стремление выявить *ценностно-смысловые позиции* и обнаружить оригинальное *философское содержание* в художественном мире Чехова – характерная черта исследований творчества художника последнего десятилетия. Нами отмечены четыре основные тенденции в изучении художественной философии Чехова, а именно: 1) рассмотрение философских представлений писателя и его героев и характеристика художника как мыслителя, который обращался в своем творчестве к важнейшим проблемам человеческого существования; 2) осмысление нравственно-религиозных поисков в художественной философии писателя; 3) изучение художественной философии Чехова в контексте открытий различных философов – от античных до западноевропейских и восточных; 4) анализ поэтических приемов и живой опыт переживания текста Чехова и тех бытийных ситуаций, в которые автор погружает читателя-исследователя. Кратко рассмотрим каждое направление, но оговоримся, что невозможно дать исчерпывающий список трудов, в которых представлено изучение творчества Чехова в аспекте его художественной философии. Мы обращаемся к наиболее репрезентативным, с нашей точки зрения, работам.

Начнем с исследований, в которых представлен анализ мировоззрения Чехова и сформулирован взгляд на него как на мыслителя, обращавшегося в своем творчестве к важнейшим проблемам человеческого существования. Философские идеи Чехова становятся предметом специального интереса в работах собственно философов. Так, в диссертационном сочинении О.И. Родионовой «Чехов как мыслитель. Религиозные и философские идеи» (2013) впервые делается попытка дать характеристику Чехова как мыслителя на основании анализа всего корпуса его текстов. Диссертант тщательно изучает воспоминания современников, содержащие информацию о взглядах писателя, анализирует оценки Чехова как мыслителя исследователями и критиками, рассматривает философские и религиозные мотивы его произведений. В работе затрагивается вопрос о соотношении мыслей, выраженных в письмах, публицистике и записных книжках, и идей, воплощенных в художественных произведениях. Родионова отмечает *высокую частотность экзистенциальных мотивов* в текстах писателя: «Верховенство экзистенциальных мотивов не отменяет насыщенности текстов Чехова иными темами: социальными, этическими и т.д. Однако и эти темы встраиваются у Чехова в экзистенциальный контекст: например, социальная проблема предстает не как несоответствие определенной норме, но как то, что мешает жить конкретному человеку, побуждает его к размышлениям об этой стороне жизни и о жизни в целом. Для героев Чехова вообще довольно характерен этот переход от конкретных жизненных фактов к абстрактным жизненным обобщениям» [2. С. 16]. Анализируя круг размышлений героев писателя, исследователь делает вывод, что чеховский «вклад в историю русской мысли состоит не в оригинальных идеях, а в создании особого художественного мира, в котором экзистенциальные вопросы обладают исключительной значимостью. Чехов “угадал”, что волнует современного, и – шире – любого человека, именно это принесло ему

популярность и заставило видеть в нём не только писателя, но и оригинального мыслителя» [2. С. 17]. В статье философа А.Г. Мысливченко «К вопросу о мировоззрении А.П. Чехова» (2012) анализируются принципы познания в творчестве писателя, рассматриваются такие категории, как справедливость, индивидуализация, искренность и правда жизни, и дается определение мировоззрения Чехова как экзистенциально-ориентированной философии творчества [3].

Продуктивность изучения художественной философии Чехова посредством анализа его собственных идей, мыслей и высказываний его героев вызывает сомнение и неоднократно подвергалась критике авторитетными исследователями творчества Чехова. Так, В.Я. Линков в монографии «Скептицизм и вера Чехова» (1995) затрагивает проблему Чехова-мыслителя в свете «скептицизма» и утверждает, что писатель ставил под сомнение любые идеи, так как они приводят к ошибкам и разрушают отношения между людьми [4]. На международной научной конференции «Философия А.П. Чехова», которая проводилась факультетом филологии и журналистики Иркутского государственного университета совместно с Чеховской комиссией в 2006, 2011 и 2015 гг., рассматривались такие вопросы, как метафизичность чеховского текста, образы культуры в творчестве писателя, этика и эстетика Чехова, гносеологические мотивы поэтического мира художника и многие другие, и неоднократно подчеркивалась важность обращения именно к поэтике произведений для выделения существенных черт философии Чехова-художника. При этом настойчиво повторялась антропологическая позиция Чехова, состоящая в том, что человек настолько неисчерпаем, что его невозможно осмыслить в рамках специальных философских учений.

Несмотря на то, что в XX в. долгое время господствующим оставалось убеждение исследователей в полном безразличии Чехова к вопросам религии и веры, в работах последнего десятилетия все чаще констатируется необходимость изучения «религиозных корней» творчества писателя, что позволило бы глубже проникнуть в его художественную философию и объяснить особенности его поэтики. Так, мотивам Екклесиаста в творчестве писателя посвящены труды Н.В. Капустина (см., например, работы: [5, 6]). Роль библейской образности и христианских архетипов в становлении художественного мира Чехова обстоятельно изучена в работах А.С. Собенникова (см., например, работы: [7–10]). По мнению литературоведа, «сознание Чехова, вероятно, было безрелигиозным. Но чеховская система ценностей, его негромкая, ненавязчивая этика были продуктом русской духовной жизни, в том числе ее народно-религиозных и религиозно-философских сторон» [7. С. 32].

Особенно сосредоточены на *религиозно-нравственном аспекте* произведений Чехова зарубежные исследователи его творчества, в частности англоязычные. В статье новозеландского литературоведа Гарольда Шефски «Chekhov and Tolstoyan philosophy» (1985) рассматривается влияние Л.Н. Толстого на творчество А.П. Чехова и отмечается, что, несмотря на

неприятие философии своего старшего современника в целом, Чехов во многом опирается на христианские ценности и берет на вооружение два концепта философии Толстого «Не сердитесь» и «Не судите» [11. Р. 83–84]. Анализируя эти концепты и полемику Чехова с Толстым, исследователь приходит к выводу о разном подходе двух больших художников к художественной философии. Толстой пренебрегал внешней формой в жизни, Чехов, напротив, считал внешнюю форму необходимой для утверждения внутренней красоты человека. В целом иностранные чеховеды отмечают неоднозначность подхода Чехова к религии, подчеркивая, что во всех ситуациях он остается верен моральному кодексу христианства: представлениям о правде, свободе, справедливости, милосердии и красоте. Американский литературовед Джулия де Щербинин в работе «Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm» (1997), рассматривая религиозные традиции в творчестве Чехова, утверждает, что он был религиозным писателем [12]. Дарья Кирьянов в монографии «Chekhov and the Poetics of Memoir» (2000) показывает, что в творчестве писателя основополагающее место занимает концепт «соборности» [13]. Интересно наблюдение Марка Свифта, который в работе «Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov» (2004), называя Чехова атеистом, признает, что, несмотря на данный факт, писателю было свойственно глубокое понимание религиозных основ его собственной русской культуры. Как отмечает литературовед, подход художника к религии был подходом психолога, и в его произведениях естественно-научный и религиозный взгляды соединяются [14].

Нам представляется, что акцент на религиозной составляющей в художественной философии Чехова может привести к интересным наблюдениям над отражением в прозе и драматургии писателя религиозно-нравственных ценностей человека переходной эпохи, и в то же время, вследствие изображения в прозе и драматургии художника большого количества героев из религиозной среды, использования богатой христианской образности и символики, демонстрации религиозных обрядов, может увести исследователей в излишнее возвышение роли нравственно-религиозных поисков в художественной картине мира писателя и повлечь за собой однозначную интерпретацию образов художника в русле религиозной филологии.

В последнее время появляются статьи и монографические исследования, в которых художественное сознание Чехова соотносится с философскими практиками различных философов. Работой П.Н. Долженкова «Чехов и позитивизм» (1985, переиздана в 1998 и 2003 гг.) была задана тенденция рассматривать творчество писателя в связи с разными философскими направлениями и течениями. Исследователь отмечает тождество смыслового пространства произведений Чехова с различными философско-психологическими и философскими школами, например фрейдизмом, позитивизмом, экзистенциализмом, крайним материализмом. Основу же творчества писателя литературовед усматривает в *позитивистских умонастроениях* [15].

Проблема «Чехов и экзистенциализм» как один из возможных аспектов изучения художественной философии писателя назревала в чеховедении, как мы отметили выше, давно. Об экзистенциализме в творчестве художника в разное время писали цитируемый нами Л. Шестов [1], а также П.Н. Долженков [15], И.Н. Сухих [16], Б.И. Зингерман [17], С.Г. Бочаров [18], Г.И. Тамарли [19] и др. В кандидатской диссертации по философии «Экзистенциальный модус творчества А.П. Чехова» (2002) И.И. Михайлов, соотнеся идеи чеховских произведений с рядом философских школ, утверждает, что Чехов достаточно широк, чтобы вписать его в такие существующие сегодня философские школы, как феноменология, постструктурализм, но настаивает на том, что основой произведений писателя является экзистенциальная доминанта. Исследователь приводит доказательства в пользу того, что Чехов принадлежит к философской школе экзистенциализма, и показывает, каким образом писатель использовал категорию *экзистенциальности* в создании текстов, в организации структур и событийных рядов рассказов и пьес [20]. Михайлов делает интересные наблюдения об особом литературном письме, имеющем экзистенциальную природу, посредством создания которого рассуждает Чехов.

Наше внимание особенно привлекают исследования двух литературоведов, анализирующих чеховские произведения в широком контексте западноевропейского экзистенциализма. В работах Р.С. Спивак о Чехове (см., например, работы [21, 22]) отмечается, что писатель предвосхитил в своем творчестве идеи европейского экзистенциализма. Исследователь сопоставляет общие для западноевропейского экзистенциализма как художественного явления темы (быт и бытие, жизнь и смерть, подлинное и неподлинное существование, свобода и необходимость, абсурд и его преодоление, поиск Бога) и темы в художественном творчестве Чехова и делает вывод о сходстве или различии в их понимании и воплощении художником: «Тотальное разобщение людей, обреченных на непонимание друг друга, находит выражение в чеховском гротеске, столь характерном для литературы экзистенциализма <...>. Сходство художественных систем Чехова и европейского экзистенциализма находит выражение и в том значении, которое придается свободе выбора личностью образа мыслей и поведения в критической ситуации» [22. С. 98–201]. Ученый указывает на «смягчение» экзистенциалистских проявлений в творчестве Чехова и видит в произведениях художника уникальную форму «русского экзистенциализма»: «В антиномичности художественного мира Чехова отчетливо обнаруживает себя феномен русского экзистенциализма, типологически родственного позднее сложившемуся экзистенциализму французскому и в то же время национально своеобразного. Его национальная специфика состоит в совмещении чувства безблагодатного человеческого существования, покинутости человека Богом со слабо теплящейся, но неистребимой надеждой на Божие присутствие в мире, обещающей оправдание и искупление бытийного ужаса» [22. С. 207].

С нашей точки зрения, взгляд на Чехова как на предтечу европейского экзистенциализма ограничивает творчество писателя рамками определен-

ного направления. Такой подход сужает выбор материала: сложно говорить об экзистенциализме писателя и влиянии на его художественное сознание работ философов, поскольку экзистенциализм как философское учение сформировался лишь в XX в. Вызывают вопросы и границы сопоставления художественной философии Чехова и философии европейского экзистенциализма. Несмотря на то, что в работах литературоведа о Чехове понятия «экзистенциальное» и «экзистенциалистское» употребляются как полные синонимы, а экзистенциализм понимается исследователем в основном в его западноевропейской версии, перед нами одно из немногочисленных исследований феномена экзистенциального сознания писателя. Более того, в работах Спивак делается ценное для нас наблюдение о том, что *причины чеховского трагизма экзистенциальные, а не социальные, общественные или национальные*: «Современный исследователь В. Мильдон <...> видит причину всеобщего социального неблагополучия в русской истории, русском национальном характере. Думается, что у Чехова, хотя его произведения построены на русском материале, это неблагополучие носит экзистенциальный характер, в отличие, например, от повестей И.А. Бунина «Деревня» и «Суходол», где автор действительно поднимает вопрос о национальных источниках социальных бедствий именно русского народа» [22. С. 196].

В работах другого признанного исследователя творчества Чехова Т.Б. Зайцевой анализ художественной философии писателя выполняется с опорой на философию *конкретного* экзистенциалистского мыслителя. В своей очень глубокой докторской диссертации «Художественная антропология А.П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор)» (2015) Зайцева рассматривает своеобразие художественной антропологии Чехова в ее генетических связях с экзистенциальной антропологией Серена Киркегора. Анализируя произведения писателя через призму экзистенциальной антропологии Киркегора, литературовед показывает взгляды Чехова на человека как природное и социальное существо; выделяет этиков и эстетиков как два типа героя в чеховских текстах; рассматривает такие важнейшие для Чехова экзистенциальные категории, как страх, отчаяние, смерть, любовь; изучает пространственно-временные измерения человека в мире писателя. В то же время при прочтении работы возникает вопрос, *насколько полно* экзистенциальная антропология Киркегора помогает описать художественный мир Чехова, ведь отдельные положения философской концепции датского мыслителя вписываются в художественный мир писателя, а другие не вписываются или идут вразрез с ней. Напрашивается и мысль о том, что проблематику философии Киркегора, возможно, можно обнаружить в художественных произведениях и других писателей. Хотя уникальность данной работы бесспорна и заключается в том, что в ней, во-первых, обстоятельно изучаются *экзистенциальные основания поэтики Чехова*, а во-вторых, *органично интегрируются филологическое и философское знание*: «Литературная антропология, используя методы философской антропологии, например косвенный метод Киркегора (метод “непря-

мого сообщения”), сократической майевтики, феноменологический или методы герменевтики, на наш взгляд, может и должна соединить скрупулезный анализ текста с философской интерпретацией сотворенного писателем человеческого бытия» [23. С. 2].

Главной проблемой названных работ, на наш взгляд, является то, что в них смешиваются термины «экзистенциальный» и «экзистенциалистский». Важным для исследователей является *соответствие* или, наоборот, *несоответствие идей*, выраженных в произведениях писателя, идейному комплексу экзистенциализма, а не выявление уникальных черт экзистенциального сознания автора. Более того, экзистенциальное сознание нередко понимается в «экзистенциалистском ключе» как трагическое, безысходное, абсурдное, связанное со смертью. Мы полагаем, необходимо разграничивать *экзистенциализм* как философскую школу и *экзистенциальное мироощущение* как тип сознания, представленный в текстах художника. В этом случае целесообразно говорить о Чехове как об *экзистенциальном писателе*, а не *писателе-экзистенциалисте*. Думается, что отголоски экзистенциализма в творчестве художника являются результатом его экзистенциального сознания, которое выражается в определенных формах и которое представило выходящие за рамки определенной культуры смыслы. Следовательно, анализируя произведения Чехова, мы предлагаем различать термины «экзистенциальный» и «экзистенциалистский» и оперировать понятием *экзистенциальный*.

Поэтому особый интерес для нас представляет четвертая группа работ, в которых особенности художественной философии писателя определяются на основе анализа внутренней формы произведений и с помощью живого опыта переживания текста Чехова и тех бытийных ситуаций, в которые автор погружает читателя-исследователя. Еще А.П. Чудаков в монографии «Поэтика Чехова» (1971), уделяя особое внимание художественному слову писателя, сделал ценное наблюдение о «случайности» отбора материала Чеховым: «Чеховское случайное – не проявление характерного, как было в предшествующей литературной традиции, – это собственно случайное, имеющее самостоятельную бытийную ценность и равное право на художественное воплощение со всем остальным. Особо подчеркнем: *равное*, но не *преимущественное*. Нельзя сказать: все внимание автора направлено на случайное. Дело именно в равномерности авторского внимания, в свободном, непредуганном и нерегламентированном сочетании существенного и случайного» [24. С. 282]. Более того, литературовед отметил, что погруженные в «мир вещей» герои Чехова могут ощутить проявления бытийного в быте [24]. В книге «Проза Чехова: проблемы интерпретации» (1979) В.Б. Катаев справедливо говорит об оригинальном представлении о мире и человеке в произведениях Чехова и «о философской концептуальной основе художественного мира» писателя: «Не к исследованию природы познания самой по себе, не к иллюстрации философских положений при помощи картин и образов, а к целостному воплощению мира в свете своего “представления жизни” стремился Чехов

в своих произведениях. И творчество его философично в ином смысле, нежели творчество других великих художников, таких как Толстой и Достоевский» [25. С. 26–27]. Развивая и дополняя наблюдения ведущих отечественных чеховедов, отдельные исследователи последнего десятилетия обращаются к экзистенциальной феноменологии (см., например, работу [26]), описывают антропологию художественной прозы Чехова (см., например, работу [27]), изучают философию времени и пространства в произведениях писателя (см., например, работы [28–30]), рассматривая художественную философию через анализ поэтики рассказов, повестей и пьес, а не с позиций конкретных философских школ и учений или художественного метода.

Выше мы определяли Чехова как писателя с *экзистенциальным типом сознания*. Опираясь на труды литературоведов С.Г. Семеновой (см., например, работу [31]), Е.К. Созиной (см., например, работу [32]) и В.В. Заманской (см., например, работу [33]), а также философа М. Хайдеггера (см., например, работу [34]) и психолога С.Л. Рубинштейна (см., например, работу [35]), *посвященные феноменологии экзистенциального сознания*, дадим свое определение интересующему нас понятию и отметим критерии отнесения того или иного художественного сознания к экзистенциальному типу. Под экзистенциальным сознанием мы понимаем одновременно одну из форм репрезентации художественного сознания и особый *тип мироощущения*, рождающийся в процессе *переживания человеком собственного существования*, вопрошания о смысле своего бытия, – как выражение глубокой заинтересованности личности в познании и самопознании – и актуализирующийся через *опыт индивидуального существования*. Экзистенциальное сознание бытийно, общечеловечно и не закреплено за отдельной культурно-исторической эпохой или нацией. Русское художественное сознание пореформенной эпохи в целом может быть обозначено как сознание экзистенциальное. Интерес к феномену экзистенциального сознания носит комплексный междисциплинарный характер и формируется на стыке исследований философии, литературоведения, психологии, социологии. Исследователи нередко относят то или иное явление к экзистенциальному, если в тексте самовыражение преобладает над образностью. Но в этом случае экзистенциальными могут считаться практически любые произведения, в которых выражается мировоззренческая позиция автора и в которых представлены ситуации рефлексии и выражены ценностно-смысловые позиции героев. На наш взгляд, *экзистенциальным* (в плане и содержания и выражения) может считаться *произведение*, в котором смыслы и способы их реализации *в поэтике* связаны с *проблемой существования* и отражают особый взгляд писателя на ее решение. Главным критерием отнесения художественного произведения к экзистенциальному мы считаем изображение в нем *экзистенциальной ситуации*, возникающей *благодаря взаимодействию человека и мира и открывающей возможности для экзистенциального переживания*. Суть *экзистенциального* в том, что человек видит какие-то феномены не в ближнем, а в даль-

нем контексте, особенно когда он имеет дело с тем, что выходит за пределы его понимания. Опыт углубления приводит к тому, что человек напряженно ищет глубину и ему уже недостаточно поверхностных впечатлений и рассуждений. В каждой попытке открыться этому человек оказывается в диалоге с тем, что пока не может охватить своим умом и своим опытом. Преломление экзистенциального сознания имеет свои особенности в творчестве каждого автора. Так, можно говорить об экзистенциальном сознании Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, В.М. Гаршина или А.П. Чехова, однако специфика понятия «экзистенциальное» применительно к каждому конкретному писателю будет уникальной.

И именно манера представления экзистенциального отличает Чехова художника. Экзистенциальное проживается его героями в поезде по дороге домой, за обедом, при отходе ко сну или при выполнении какой-либо работы, т.е. в бытии обыденном. Попытка осмыслить свое место в мире, потрясение горем и переживание утраты, поражение величием природы, осознание связи времен – все это проявления экзистенциального. В произведениях писателя в одной фразе могут быть объединены бытийные законы и, например, каша, которую едят собравшиеся вокруг стола люди: «Пока ели, шел общий разговор. <...> Русский человек любит вспоминать, но не любит жить; Егорушка еще не знал этого, и, прежде чем каша была съедена, он уж глубоко верил, что вокруг котла сидят люди, оскорбленные и обиженные судьбой» [36. Т. 7. С. 64]. Цитата из повести «Степь», думается, как нельзя лучше характеризует мировидение Чехова. В его прозе и драматургии мысли философского плана в повествовании никак не выделены, они идут «подряд» с бытовыми рассуждениями. Например, размышления профессора в «Скучной истории» о науке, театре, литературе, чувстве личной свободы, университетском образовании, «общей идее» постоянно перемежаются с мыслями о леще с кашей или о горничной, «говорливой и смешливой старушке», о расходах, которых не становится меньше. Экзистенциальны по своей сути и ранние произведения писателя, в которых человек часто поставлен в определенную ролевою ситуацию и должен выполнить свою социальную функцию, придерживаясь в поведении общепринятых стереотипов. При этом одни герои не находят сил отказаться от привычной модели поведения, хотя их начинают мучить экзистенциальные вопросы, которых они не понимают или боятся, от которых пытаются убежать и защититься (вспомним рассказы «Смерть чиновника», «Дочь Альбиона», «Обыватели» и др.); другие же «выпадают» из этой роли, и им открываются новые горизонты видения (рассказы «Хирургия», «Тоска», «Ванька» и др.).

Таким образом, можно сделать вывод о неоднозначности интерпретаций художественной философии Чехова в исследовательском дискурсе. Учитывая все достижения ученых, мы полагаем, что наиболее перспективным в постижении созданного писателем бытия и человека является анализ прежде всего внутренней формы рассказов, повестей и пьес с использованием герменевтико-феноменологического (см., например, работу [27]),

экзистенциально-феноменологического (см., например, работы [26, 37]), а также структурно-функционального подходов к произведению, которые помогают исследовать механизмы конституирования смыслов и способы ведения диалога между читателем и произведением, обращены к изображенным в тексте явлениям (феноменам) и способствуют глубокому раскрытию чеховской художественной концепции мира и человека.

Литература

1. Шестов Л. Творчество из ничего // А.П. Чехов: Pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. СПб., 2002. С. 566–598.
2. Родионова О.И. А.П. Чехов как мыслитель: Религиозные и философские идеи : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 18 с.
3. Мысливченко А.Г. К вопросу о мировоззрении А.П. Чехова // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 95–105.
4. Линков В.Я. Скептицизм и вера Чехова. М., 1995. 80 с.
5. Капустин Н.В. О библейских цитатах и реминисценциях в прозе Чехова конца 1880-х – 1890-х годов // Чеховиана: Чехов в культуре XX века: Статьи, публикации, эссе. М., 1990. С. 17–26.
6. Капустин Н.В. Рассказ А. П. Чехова «Студент»: преодоление жанрового канона // Жанрологический сборник. Елец, 2004. Вып. 1. С. 79–88.
7. Собенников А.С. «Правда» и «справедливость» в аксиологии Чехова // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. М., 1995. С. 27–34.
8. Собенников А.С. Оппозиция дом – мир в художественной аксиологии А.П. Чехова и традиция русского романа // Чеховиана: Чехов и его окружение. М., 1996. С. 144–149.
9. Собенников А.С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск, 1997. 224 с.
10. Собенников А.С. Чехов и христианство. Иркутск : изд-во Иркут. ун-та, 2000. 84 с.
11. Schefski H. Chekhov and Tolstoyan philosophy // New Zealand Slavonic Journal. 1985. P. 81–88.
12. Sherbinin J.W. De Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm. Evanston, IL : Northwestern University Press, 1997. P. 189.
13. Kirjanov D.A. Chekhov and the Poetics of Memory. Studies on Themes and Motifs in Literature. N.Y. : Peter Lang. 2000. P. 193.
14. Swift M.S. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. Middlebury Studies in Russian Language and Literature. N.Y. : Peter Lang. 2004. P. 196.
15. Долженков П.Н. Чехов и позитивизм. М. : Скорпион, 2003. 218 с.
16. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 184 с.
17. Зингерман Б.И. Театр Чехова и его мировое значение. М. : Наука, 1988. 521 с.
18. Бочаров С.Г. Чехов и философия // Филологические сюжеты. М., 2007. С. 328–346.
19. Тамарли Г.И. Синхронный диалог Чехова с культурой. Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им.А.П. Чехова, 2014. 107 с.
20. Михайлов И.И. Экзистенциальный модус творчества А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.
21. Спивак Р.С. В полемике с христианством: Чехов – экзистенциалист // Филолог. 2004. № 5. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_5_93 (дата обращения: 12.05.2019).

22. *Спивак Р.С.* Чехов и экзистенциализм // *Философия Чехова : междунар. науч. конф., 27 июня – 2 июля 2006 г. Иркутск, 2008. С. 16–31.*
23. *Зайцева Т.Б.* Художественная антропология А.П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 42 с.
24. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 290 с.
25. *Катаев В.Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во МГУ, 1979. 327 с.
26. *Кибальник С.А.* Художественная феноменология Чехова // *Русская литература. 2010. № 3. С. 31–38.*
27. *Линке Ш.* Антропология художественной прозы А.П. Чехова: неизреченность человека и архитектоника произведения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 23 с.
28. *Разумова Н.Е.* Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск : Том. гос. ун-т, 2001. 521 с.
29. *Плеханова И.И.* Человек времени в прозе А.П. Чехова («Степь» и «Скучная история») // *Философия Чехова : междунар. науч. конф., 27 июня – 2 июля 2006 г. Иркутск, 2008. С. 131–145.*
30. *Плеханова И.И.* Вопрос духовной эволюции чеховского героя: психологический детерминизм и резонанс со временем // *Философия Чехова : междунар. науч. конф., 2–6 июля 2011 г. Иркутск, 2012. С. 127–141.*
31. *Семенова С.Г.* Экзистенциальное сознание в прозе русского зарубежья: (Гайто Газданов и Борис Поплавский) // *Вопросы литературы. 2000. Май – июнь. С. 67–106.*
32. *Созина Е.К.* Динамика художественного сознания в русской прозе 1830–1850-х годов и стратегия письма классического реализма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 36 с.
33. *Заманская В.В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на страницах столетий : учеб. пособие. М. : Флинта: Наука, 2002. 302 с.
34. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. 448 с.
35. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М. : Наука, 1997. 190 с.
36. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983.
37. *Абрамова В.С.* Опыт экзистенциально-феноменологического анализа прозы А.П. Чехова // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. 2009. № 6 (2). С. 11–17.*

Revisiting Interpretations of Anton Chekhov's Artistic Philosophy in Modern Humanitarian Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 69. 195–208. DOI: 10.17223/19986645/69/9

Viktoriiia S. Abramova, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: abramovavictoria@yandex.ru

Keywords: Anton Chekhov; artistic philosophy; artistic consciousness; existentiality; existentialism; poetics; literary criticism and theory.

This article explores some literary criticism and theory works as well as philosophical and psychological academic texts by both Russian and foreign researchers revisiting various trends in studying Anton Chekhov's artistic philosophy. Four areas of the research, aimed at analysing humans and their existence in Chekhov's literary works, are identified, namely: examining the writer's philosophical views and characters and defining him as a thinker addressing in his literature the human existence and its associated plight (works by O.I. Rodionova, A.G. Myslivchenko, et al.); reflecting on the moral and religious seeking in Chekhov's artistic philosophy (monographs and articles by A.S. Sobennikov, N.V. Kapustin, G. Shefski, D. Kirjanov, J. de Sherbinin, et al.); explaining the meanings and concepts in his works

through comparison of his oeuvre with the most considerable Western European philosophies, e.g. existentialism (works by P.N. Dolzhenkov, I.I. Mikhaylov, T.B. Zaytseva, R.S. Spivak, et al.); thoroughly analysing poetic devices and attempting to experience existential situations in which the author immerses the reader (works by A.P. Chudakov, V.B. Kataev, S.A. Kibalnik, I.I. Plekhanova, N.E. Razumova, S. Lipke, et al.). Comparing these humanitarian research works has led to the rising interest of many scholars in the concept ‘existentiality’ in Chekhov’s prose and plays, which is interpreted differently depending on the researcher’s perspective. This interpretation process is inextricably linked with the inconsistent use of the concept ‘existentiality’ in modern humanities. This article offers an alternative take on the terms ‘existential’, ‘existential consciousness’, and ‘existentialism’, and re-positions Chekhov as an existential writer. This work concludes that ‘existentiality’ lies in spreading the idea of ‘being’ throughout the literary text, but not in some text fragments, irrespective of their significance. The concept also entails a basic connection of multi-scale and dissenting dualities, such as daily routine and existence, chaos and harmony, the carnal and the spiritual, the tragic and the comic, the lofty and the vile, happiness and suffering, freedom and need, etc. There has been considerable attention to the debates on the comparative approach and the existential and phenomenological approach to interpreting Chekhov’s works. This article demonstrates the benefits of the latter since it allows understanding the phenomenon of Chekhov’s oeuvre on a deeper scale and to study the mechanisms constituting meanings in his literary texts as well as the ways of conducting a dialogue between the reader and the work itself. Chekhov’s artistic philosophy with a focus on the concept ‘existential consciousness’ should be used as grounds in future studies. This offers a vivid image of not only Chekhov’s literary features but also the specifics of the literary process, given that ‘existential consciousness’ is actualized during transitional eras, one of which featured Chekhov as a thinker and a literary artist.

References

1. Shestov, L. (2002) *Tvorchestvo iz nichego* [Creativity from nothing]. In: Sukhikh, I.N. (ed.) *A.P. Chekhov: Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoy mysli kontsa XIX – nachala XX v.* [A.P. Chekhov: Pro et contra. A.P. Chekhov’s oeuvre in the Russian thought of the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities. pp. 566–598.
2. Rodionova, O.I. (2013) *A.P. Chekhov kak myslitel’. Religioznye i filosofskie idei* [A.P. Chekhov as a thinker. Religious and philosophical ideas]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
3. Myslivchenko, A.G. (2012) On Chekhov’s world outlook. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 6. pp. 95–105.
4. Linkov, V.Ya. (1995) *Skeptitsizm i vera Chekhova* [Chekhov’s skepticism and faith]. Moscow: Nauka.
5. Kapustin, N.V. (1990) O bibleyskikh tsitatakh i reministsentsiyakh v proze Chekhova kontsa 1880-kh – 1890-kh godov [On biblical quotes and reminiscences in Chekhov’s prose of the late 1880s–1890s]. In: Lakshin, V.Ya. (ed.) *Chekhoviana: Chekhov v kul’ture XX veka: Stat’i, publikatsii, esse* [Chekhoviana: Chekhov in the culture of the twentieth century: Articles, publications, essays]. Moscow: Nauka. pp. 17–26.
6. Kapustin, N.V. (2004) Rasskaz A. P. Chekhova “Student”: preodolenie zhanrovogo kanona [A. Chekhov’s story “The Student”: Overcoming the genre canon]. In: *Zhanrologicheskiy sbornik* [Genrology Collection]. Vol. 1. Elets: Elets State University. pp. 79–88.
7. Sobennikov, A.S. (1995) “Pravda” i “spravedlivost” v aksiologii Chekhova [“Truth” and “justice” in Chekhov’s axiology]. In: Lakshin, V.Ya. (ed.) *Chekhoviana. Melikhovskie trudy i dni* [Chekhoviana. Melikhov’s works and days]. Moscow: Nauka. pp. 27–34.
8. Sobennikov, A.S. (1996) Oppozitsiya dom – mir v khudozhestvennoy aksiologii A.P. Chekhova i traditsiya russkogo romana [Opposition house–world in A.P. Chekhov’s artistic

axiology and the tradition of the Russian novel]. In: Kataev, V.B., Kuzicheva, A.P. & Papernyy, Z.S. (eds) *Chekhoviana. Chekhov i ego okruzenie* [Chekhoviana. Chekhov and his circle]. Moscow: Nauka. pp. 144–149.

9. Sobennikov, A.S. (1997) *Mezhdú "est' Bog" i "net Boga": (o religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A.P. Chekhova)* [Between "there is God" and "there is no God": (on religious and philosophical traditions in A.P. Chekhov's works)]. Irkutsk: [s.n.].

10. Sobennikov, A.S. (2000) *Chekhov i khristianstvo* [Chekhov and Christianity]. Irkutsk: Irkutsk State University.

11. Schefski, H. (1985) Chekhov and Tolstoyan philosophy. *New Zealand Slavonic Journal*. pp. 81–88.

12. Sherbinin, J.W. (1997) *De Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm*. Evanston, IL: Northwestern University Press.

13. Kirjanov, D.A. (2000) *Chekhov and the Poetics of Memory. Studies on Themes and Motifs in Literature*. N.Y.: Peter Lang.

14. Swift, M.S. (2004) *Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov*. Middlebury Studies in Russian Language and Literature. N.Y.: Peter Lang.

15. Dolzhenkov, P.N. (2003) *Chekhov i pozitivizm* [Chekhov and positivism]. Moscow: Izd-vo "Skorpion".

16. Sukhikh, I.N. (1987) *Problemy poetiki A.P. Chekhova* [Problems of A.P. Chekhov's poetics]. Leningrad: Leningrad State University.

17. Zingerman, B.I. (1988) *Teatr Chekhova i ego mirovoe znachenie* [Chekhov's Theater and Its Global Significance]. Moscow: Nauka.

18. Bocharov, S.G. (2007) *Filologicheskíe syuzhety* [Philological plots]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 328–346.

19. Tamarli, G.I. (2014) *Sinkhronny dialog Chekhova s kul'turoy* [Synchronous dialogue between Chekhov and culture]. Taganrog: Taganrog State Pedagogical University.

20. Mikhaylov, I.I. (2002) *Ekzistentsial'nyy modus tvorchestva A.P. Chekhova* [The existential mode of A.P. Chekhov's creativity]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Yekaterinburg.

21. Spivak, R.S. (2004) V polemike s khristianstvom: Chekhov – ekzistentsialist [In polemics with Christianity: Chekhov as an existentialist]. *Filolog*. 5. [Online] Available from: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_5_93 (Accessed: 12.05.2019).

22. Spivak, R.S. (2008) [Chekhov and existentialism]. *Filosofiya Chekhova* [Chekhov's Philosophy]. Proceedings of the International Conference. 27 June – 2 July 2006. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 16–31. (In Russian).

23. Zaytseva, T.B. (2015) *Khudozhestvennaya antropologiya A.P. Chekhova: ekzistentsial'nyy aspekt (Chekhov i Kirkegor)* [A.P. Chekhov's artistic anthropology: the existential aspect (Chekhov and Kierkegaard)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.

24. Chudakov, A.P. (1971) *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow: Nauka.

25. Kataev, V.B. (1979) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow: Moscow State University.

26. Kibal'nik, S.A. (2010) *Khudozhestvennaya fenomenologiya Chekhova* [Chekhov's artistic phenomenology]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 31–38.

27. Lipke, S. (2017) *Antropologiya khudozhestvennoy prozy A.P. Chekhova: neizrechenost' cheloveka i arkhitektonika proizvedeniya* [A.P. Chekhov's Fiction Anthropology: The Ineffability of Man and the Architectonics of the Literary Work]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.

28. Razumova, N.E. (2001) *Tvorchestvo A.P. Chekhova v aspekte prostranstva* [A.P. Chekhov's oeuvre in the aspect of space]. Tomsk: Tomsk State University.

29. Plekhanova, I.I. (2008) [A Man of the time in A.P. Chekhov's prose ("The Steppe" and "A Dreary Story")]. *Filosofiya Chekhova* [Chekhov's Philosophy]. Proceedings of the International Conference. 27 June – 2 July 2006. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 131–145. (In Russian).

30. Plekhanova, I.I. (2012) [The question of the spiritual evolution of Chekhov's character: Psychological determinism and resonance with time]. *Filosofiya Chekhova* [Chekhov's Philosophy]. Proceedings of the International Conference. 27 June – 2 July 2006. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 127–141. (In Russian).
31. Semenova, S.G. (2000) *Ekzistentsial'noe soznanie v proze russkogo zarubezh'ya* (Gayto Gazdanov i Boris Poplavskiy) [Existential Consciousness in the Prose of the Russian Diaspora (Gaito Gazdanov and Boris Poplavsky)]. *Voprosy literatury*. May–June. pp. 67–106.
32. Sozina, E.K. (2001) *Dinamika khudozhestvennogo soznaniya v russkoy proze 1830–1850 godov i strategiya pis'ma klassicheskogo realizma* [Dynamics of artistic consciousness in the Russian prose of the 1830s–1850s and the classical realism writing strategy]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
33. Zamanskaya, V.V. (2002) *Ekzistentsial'naya traditsiya v russkoy literature XX veka. Dialogi na stranitsakh stoletiy* [Existential tradition in Russian literature of the twentieth century. Dialogues on the Pages of Centuries]. Moscow: Flinta; Nauka.
34. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya* [Time and Being. Articles and speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika.
35. Rubinshteyn, S.L. (1997) *Chelovek i mir* [Man and the world]. Moscow: Nauka.
36. Abramova, V.S. (2009) Existential and Phenomenological Analysis of A.P. Chekhov's Prose. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 6 (2). pp. 11–17. (In Russian).
37. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. Pis'ma: V 12 t.* [Complete works and letters: In 30 volumes. Works: In 18 volumes. Letters: In 12 volumes]. Moscow: Nauka.